

15. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 61-63.
16. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
17. Thomas, D. Collected Poems. New York: New Directions Publishing Corporation, 2000.
18. Мэтры символизма: поэзия серебряного века [Электронный ресурс]: полное собрание поэтических произведений. М.: Адепт, 2002. CD-ROM.

*Наталья Николаевна ДЗИДА —
заместитель директора
Регионального института
международного сотрудничества
Тюменского государственного университета
ndzida@utmn.ru*

УДК 81'255.4

ПРОБЛЕМА ЛАКУНАРНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

LACUNA ISSUES IN TRANSLATION

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается явление лакунарности, ее природа и типология, с позиций когнитивной лингвистики. Особое внимание уделяется способам элиминации межкультурных лакун в процессе перевода.

SUMMARY. The article discusses the phenomenon of lacunas, its nature and typology, from the cognitive linguistics point of view. Special attention is given to methods of elimination of the cross-cultural lacunas in the process of translation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Лакуна, безэквивалентная лексика, перевод.

KEY WORDS. Lacuna, culture-specific vocabulary, translation.

Понятие лакунарности зародилось в рамках сопоставительных языковых исследований и получило первоначальное толкование в связи с рассмотрением проблем переводимости/непереводимости и эквивалентности/ безэквивалентности при межъязыковом и межкультурном переводе.

Отечественной лингвистике принадлежит заслуга эксплицитного выражения идеи лакунарности. Типология лакун и способы их элиминирования разрабатываются многими современными учеными: Ю.А. Сорокиным, Е.М. Верещагиным, С.Г. Тер-Минасовой, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, В.И. Жельвисом, И.Ю. Марковиной, Г.В. Быковой. В их трудах по-новому осмысливается фундаментальная проблема соотношения языка и мышления, являющаяся одной из сложнейших в современном языкознании, и делается вывод о том, что нет жесткой связи между понятием и языковой формой его выражения, как считалось ранее. Понятие может существовать и имплицитно в национальной культурной картине мира, концептосфере, т.е. оно не всегда вербализуется. В этой связи С.Г. Тер-Минасова замечает, указывая на соотношение языковой и национально-культурной картин мира: «Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все» [1; 48].

Изучение феномена лакунарности проводилось и зарубежными исследователями, использовавшими такие термины, как gaps (К. Hale), gandom holes in patterns (Ch. Hockett). Отечественная и зарубежная традиции отличаются не только терминологически, но и концептуально. В зарубежной лингвистической науке существование лакун объясняется механизмом функционирования лингвистических и культурологических универсалий (К. Hale).

В рамках подхода, сложившегося в отечественной науке, явление лакунарности интерпретируется в понятиях общекультурного «инварианта» и этнокультурного (специфического) «варианта» вербального и невербального поведения [2; 89].

Языковая картина мира, как известно, представляет собой совокупность объективированного (выраженного однословно) и необъективированного в языке. В его лексической системе невербализованным концептам соответствуют значимые пробелы — лакуны. Национальная система концептов — основа языкового образа мира — включает как имеющие номинативное выражение концепты, так и концепты, не выраженные средствами национального языка [3; 21-22]. При этом лексически не выраженные концепты в такой же степени участвуют в мыслительной деятельности народа, как и лексикализованные. Кроме того, слова, не имеющие аналогов в сопоставимых языках — лакуны (от лат. *lacuna* — углубление, впадина, провал, от фр. *lacune* — пустота, брешь) являются психофизиологическим феноменом: в условиях одноязычной ситуации общения они не осознаются говорящими. Для выявления лакун в качестве «зеркала», фона, привлекаются, как правило, другие языки. [4; 21] К основным признакам лакуны можно отнести: непонятность, непривычность (экзотичность), чуждость (незнакомость) этих предметов и явлений для реципиента.

Лакуны составляют заметную долю национальной специфики любого языка. Условия социально-политической, общественно-экономической, культурной жизни и быта народа, своеобразие его мировоззрения, психологии, традиций обуславливают возникновение образов и понятий, принципиально отсутствующих у носителей других языков.

Лакуны выявляются, прежде всего, по двуязычным переводным словарям. «Сигналами» возможной лакунарности лексической единицы (слова, устойчивого сочетания, фразеологического единства) являются:

- развернутая объяснительная дефиниция слова в переводном словаре;
- объяснение слова в переводном словаре через перечислительный или синонимический ряд [5; 209]

Степень полноты понимания иноязычной культуры зависит от размеров культурологической дистанции между контактирующими этнолингвистическими общностями. Воспринимая явления, принадлежащие к другой культуре, реципиент интерпретирует его в образах и категориях своей собственной, что и определяет степень понимания явлений неродной культуры. В процессе межкультурной коммуникации сопоставляют «образы» культур, несущих в себе инвариантную и вариантную составляющие.

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести следующие:

- 1) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи и обряды;
- 2) бытовой уровень культуры, тесно связанный с традиционным, вследствие чего их нередко объединяют в традиционно-бытовую культуру;
- 3) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический коды, используемые носителями данной лингвокультурной общности;
- 4) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира; национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;
- 5) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса [1; 29], [2; 76].

Национальная специфика концептуальной картины мира того или иного народа проявляется в двух основных аспектах: национальные различия в содержании близких концептов у разных народов и наличие несовпадающих (сугубо национальных) концептов в картине мира народов.

В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты оказываются не полностью совпадающими по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептосфер народов проявляется в наличии или отсутствии концептов. О наличии национально-специфического концепта у того или иного народа, как и об отсутствии концепта в концептосфере определенного народа можно судить по имеющимся в сравниваемых языках безэквивалентным единицам и лакунам. Обнаружение национально-специфических единиц и, следовательно, национально-специфических концептов становится возможным в рамках контрастивной лингвистики.

И.А. Стернин, З.Д. Попова, М.А. Стернина отмечают, что соотношение лакун, безэквивалентных единиц и национальных концептов далеко не такое простое и однозначное, как может показаться на первый взгляд. Отсутствие в том или ином языке определенного слова (лакуна) не всегда свидетельствует об отсутствии в концептосфере этого народа соответствующего концепта: вспомним, что слова используются для номинации концептов, необходимых для обмена информацией, то есть слова — обозначение только коммуникативно релевантных, коммуникативно «активных» концептов, имеющих ценность для национальной концептосферы [5; 214].

Лакуны, если оказывается необходимо выразить соответствующий концепт в речи, компенсируются, то есть заполняются «временными» средствами языка — свободными сочетаниями, развернутыми объяснениями и т.д. Если компенсация осуществляется достаточно регулярно, соответствующее выражение может впоследствии стать устойчивой номинацией концепта — напр. лосьон после бритья (ср. англ. aftershave), несчастный случай (ср. англ. accident) [5; 223].

Под безэквивалентной лексикой современные теоретики перевода (В.М. Солнцев, Л.С. Бархударов и др.) понимают «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Сюда относятся в основном имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и пр., не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка». [6; 94]

Л.К. Латышев предлагает следующие способы передачи безэквивалентной лексики:

1) Транслитерация — заимствование иностранного слова, которое затем на письме изображается буквами переводящего языка, а в устной речи произносится согласно орфоэпическим нормам переводящего языка.

2) Калькирование — составные части (морфемы) безэквивалентного слова или словосочетания заменяют их буквальными соответствиями на языке перевода.

3) Описательный перевод — раскрытие значения исходного слова с помощью развернутого описания.

4) Приближенный перевод — для обозначения иностранной реалии в переводящем языке подыскивается понятие, которое хоть и не совпадает с исходным понятием, но имеет с ним значительное семантическое сходство [7; 104-106].

Реалии, по утверждению А.О. Иванова, ближе всех стоят к лакунам [8; 53] и, соответственно, относятся к безэквивалентной лексике, характеризуясь ярко выраженной этнокультурной спецификой. В лингвострановедческой литературе

реалия понимается двояко: 1) как предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны, не встречающихся у других народов; 2) как слово, обозначающее такой предмет, понятие или явление (Бархударов; Влахов, Флорин; Иванова; Томахин).

Лакунарность в переводоведческом рассмотрении оказывается шире понятия «безэквивалентность» и служит основанием для снятия некоторых традиционных запретов на трансформации переводимых текстов и объем подобных трансформаций, допуская порой значительные дополнения и опущения.

Действительно, до недавних пор статус «непереводимого в переводе» сохранялся лишь за случаями более или менее сильного отклонения оригинала от языковой нормы в сторону территориальных либо социальных диалектов [9; 124]. Однако наблюдения за межъязыковой эквивалентностью имен так называемых «культурных концептов», понимаемых как вербализованные и этнокультурно отмеченные мировоззренческие смыслы высокой степени абстрактности, также свидетельствуют об ограничении здесь принципа переводимости: «душа», «тоска», «воля», «удаль» и пр. на другой язык не переводятся, а «транслируются» в иную лингвокультуру. [10; 12] При воспроизведении на иностранном языке лексического аналога соответствующего концепта воспроизводится лишь «семантическая оболочка» последнего, образованная его дефиниционными признаками, позволяющими отличить этот концепт от смежных видовых образований и не более. Вся же собственно этнокультурная информация — совокупность специфических мировоззренческих представлений языковой личности — за пределы «языкового круга» конкретного этнического языка не выходит [11; 92].

Материалом нашего исследования послужили тексты романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык, выполненных английскими переводчиками М. Гленни (1967 г.) и Р. Пивером (1997 г.). Последний роман Булгакова является достоянием мировой культуры, и его адекватное восприятие иностранцами возможно лишь при качественном переводе русских культурных концептов, лакун и безэквивалентной лексики, которые и составляют большую часть его оригинальности и трудности для понимания.

Анализируя текст романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», можно обнаружить большое количество лексических единиц, которые подпадают под категорию безэквивалентной лексики — имена собственные, географические названия, наименования учреждений и организаций. В тексте перевода такого рода лексика, как правило, передается с помощью транслитерации (табл. 1):

Таблица 1

**Безэквивалентная лексика в романе «Мастер и Маргарита»
и его переводах на английский язык.**

Оригинал	Перевод М. Гленни	Перевод Р. Пивера
С. Лиходеев	S. Likhodeyev	S. Likhodeev
Н. Босой	N. Bosoi	N. Bosoy
И. Бездомный	I. Bezdomy	I. Homeless
Пролежнев	Prolezhnov	Bedsornev
Патриаршие пруды	Patriarch's ponds	Patriarch's Ponds*
Перелыгино	Perelygino	Perelygino*
Соловки	Solovki asylum	Solovki*
Массолит	Massolit	Massolit*
Грибоедов (ресторан)	Griboyedov	Griboedov's*

На первый взгляд, между авторами переводов в трансляции безэквивалентной лексики нет большой разницы. Однако при переводе таких имплицитно

говорящих имен, как Бездомный и Пролежнев, М. Гленни пользуется транслитерацией, тогда как Р. Пивер привлекает способ калькирования. В результате второй перевод более адекватно передает заложенный автором смысл произведения, позволяя англоязычному читателю распределить его через «говорящие» имена героев.

Дополнительным средством компенсации возможных потерь при переводе безэквивалентной и национально-окрашенной лексики является лингвострановедческий комментарий. Такой комментарий позволяет переводчику вложить в «пустую» оболочку, передающую звуковую и буквенную форму, концептуальный смысл, который стоит за этой формой.

Р. Пивер широко пользуется комментарием, отчего его перевод получает дополнительную глубину и адекватность. Например, комментарий к слову «дача», в котором в настоящее время может и не быть необходимости, был востребован в 60-е годы, когда выполнялся один из первых переводов на английский язык. Вкупе с разъяснением названия дачного поселка для литераторов — Перелыгино — у английского читателя создается гештальтный образ не только летнего дома в привилегированном подмосковном поселке, но и самого литератора советских времен.

«Dachas: the Russian dacha is a summer or country house» [14].

«Perelygino: the name is clearly meant to suggest the actual Peredelkino, a «writers' village» near Moscow where many writers were allotted country houses. It was a privileged and highly desirable place» [14].

Кроме вышеназванных примеров безэквивалентной лексики роман «Мастер и Маргарита» насыщен историческими национально-специфическими реалиями, которые были широко распространены в 1920-30-е гг. в Советском Союзе. При их трансляции на английский язык переводчики пользовались методом описательного и приближенного перевода.

Таблица 2

**Реалии в романе «Мастер и Маргарита»
и его переводах на английский язык**

Оригинал	Перевод М. Гленни	Перевод Р. Пивера
интервенты	foreign spies	interventionists*
вредитель	quack	saboteur*
кулачок	a typical kulak mentality	a typical little kulak*
приспособленец и подхалим	sycophantic swine	a trimmer and a toady
кляузы	intrigue	libels

Сопоставление вариантов перевода, предложенных обоими авторами, показывает, что М. Гленни не находит близких и точных соответствий оригинальным реалиям, потому как шпионаж не есть агрессивное вооруженное вмешательство, а шарлатанство не является преступным нанесением зла, вреда государству. Р. Пивер, в свою очередь, подбирает достаточно точные соответствия (a trimmer = приспособленец; libel = клевета), а также вновь прибегает к лингвострановедческому комментарию:

«Saboteur: here and a little further on Ivan uses standard terms from Soviet mass campaigns against 'enemies of the people'. Anyone thought to be working against the aims of the ruling party could be denounced and arrested as a saboteur» [14].

Примером неадекватной трансляции смысла культурного концепта может служить перевод фразы Коровьева «всю душу мне вымотали», содержащей русский этноспецифический концепт «душа»:

Таблица 3

**Культурные концепты в романе «Мастер и Маргарита»
и его переводах на английский язык.**

Перевод М. Гленни	Перевод Р. Пивера
They wear me out	Believe me, they wring the soul right out of you!

Ни один из авторов перевода не смог достичь адекватности при передаче такого специфичного концепта, как «душа», использованного к тому же во фразеологическом обороте «вымотать всю душу». Использование английского фразеологизма М. Гленни, равно как и введение ключевой лексемы концепта — «soul», не привело к трансляции этнокультурной информации, которая возникает у русского человека в связи с концептом «душа».

Лакунарность отрезков национально-культурных картин мира, выявляемая в процессе межкультурной коммуникации, может быть далее исследована в зависимости от сферы интереса. В теории перевода предстоит большая работа по соотношению понятия «лакунарности» с переводческими понятиями «эквивалентность» и «адекватность», а также способов элиминации межкультурных лакун (заполнения и компенсации) с традиционно выделяемыми видами переводческих преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 259 с.
2. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. 196 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А., Чарыкова О.Н. К разработке концепции языкового образа мира // Язык и национальное сознание: м-лы науч.-практ. конф. Воронеж, 1998. С. 21-23.
4. Быкова Г.В., Пылаева О.Б. Словарь «несуществующих слов»: фантастика или реальность? // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр.; под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 20-27.
5. Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А. Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / Благовещенский гос. пед. ун-т; под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 205-223.
6. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
7. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
8. Иванов А.О. Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык: учеб. пособие. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1985. 95 с.
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: ВШ, 1968. 196 с.
10. Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.
11. Воркачев С.Г. Культурные концепты и перевод: макаризмы в тексте Евангелия // Вестник МГОУ. 2003. № 4. С. 88-93.

ИСТОЧНИКИ

12. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: Роман. СПб.: Азбука-классика, 2005. 608 с.
13. M. Bulgakov. The Master and Margarita. Translated from the Russian by Michael Glenny, Collins and Harvill Press, London, 1967. 448 pp.
14. M. Bulgakov. The Master and Margarita. Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky, Penguin Books, 1997. 432 pp.